

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

кандидата исторических наук, доцента кафедры «Социально-
философские и политические науки»

Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета

Павла Владимировича Кузенкова

на диссертационную работу

иеромонаха КЛАВДИАНА (МЕНЬШИКОВА Михаила Алексеевича)
«ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦАРСКОЙ
ВЛАСТИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТАХ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ»,

представленную к защите на соискание ученой степени кандидата
богословия по специальности «История Русской Православной Церкви»

Диссертационное исследование иеромонаха Клавдиана (Меньшикова Михаила Алексеевича, далее — Автор) посвящено одной из важнейших религиозно-политических тем — представлениям о царской (императорской) власти, которые рассматриваются через призму их отражения в богослужебной практике, в самом широком историческом контексте.

Актуальность работы не вызывает сомнений как ввиду непреходящей научной и общественно-политической значимости темы церковно-государственных отношений вообще и христианского отношения к высшей власти в частности, так и ввиду необходимости богословского осмысления многовековой христианской традиции литургического молитвенного прошения о властях в злободневных условиях современного мира. Кроме того, работа отвечает тенденции к системному научному изучению христианских литургических памятников. Автор справедливо отмечает, что присутствие императоров и царей в православной литургической литературе не ограничивается канонизированными монархами или отдельными праздниками, установление которых непосредственно связано с верховной властью. Даже теперь, спустя столетие после уничтожения царской власти в России и соответствующей редакции богослужебных текстов Русской Церкви, упоминание о царской власти неоднократно встречается в них, а связанные с монархической властью слова и выражения составляют неотъемлемую часть евхологической и гимнографической традиции. Наконец, работа восполняет определённую лауну в

современных научных исследованиях, поскольку является фактически первым в отечественной и мировой науке опытом полномасштабной панорамы церковных воззрений на институт царской власти через призму богослужебных текстов, преимущественно русской православной традиции.

Научная новизна заключается в том, что такого рода исследований в научной практике никогда ранее не проводилось, и данная работа выступает в полном смысле слова новаторской. Что, несомненно, следует приветствовать. Хотя это и значительно осложнило работу Автора, которому пришлось фактически проводить огромную предварительную работу, самостоятельно собирая источниковую базу. Но именно этот свод источников и составляет, на наш взгляд, особую ценность данной работы.

Фактографическая основа исследования включает рукописные тексты XII–XV вв., богослужебные книги XVII–XX вв. (в т.ч. раритетные), а также официальные документы Русской Церкви и Российского государства. Указанные источники изучены как в сопоставлении друг с другом, так и в контексте исторических эпох.

Степень обоснованности и достоверности выводов, сформулированных в диссертации, следует признать высокой. В первую очередь следует отметить, что, несмотря на то, что специальных работ, непосредственно затрагивающих тематику сочинения, крайне немного, Автор взял на себя труд представить во введении обзор научной литературы в самом широком понимании темы царской власти — в огромном хронологическом и географическом диапазоне. Объем таких исследований поистине необъятен, однако Автору удалось охватить практически все релевантные (в контексте заявленного подхода) источники и представить обзор значительного числа относящихся к теме исследования научных работ. Отметим, что сам по себе такой масштабный историографический обзор, имеющий косвенное отношение к заявленному в исследовании достаточно узкому литургическому ракурсу темы царской власти, носит, как подчеркивается Автором, вспомогательный характер, однако представляется важным и ценным и, при известной доработке, сам по себе может перерасти в отдельную публикацию, которая будет, несомненно, востребованной в учебном процессе духовных и светских высших школ.

Особенно отраднo — и методологически вполне оправдано, — что Автор не побоялся рассмотреть заявленную тему на максимально масштабном временном

диапазоне, что значительно расширяет возможности сравнительно-исторического и типологического анализа и усиливает обоснованность и достоверность полученных выводов.

Заявленная цель работы состоит в «историко-богословском анализе воззрений на монархическую власть, выявленных в различных богослужебных текстах, для определения степени значения этой власти для Русской Православной Церкви». Для её достижения Автор ставит и решает следующие задачи: «1) рассмотреть исторический контекст возникновения христианских представлений об империи, обозрев историю становления власти принцепсов в Риме; 2) описать обзорно идеи, касающиеся природы и задач царской власти, выраженные теоретиками и правителями греко-римского мира; 3) изложить учение о монархической власти, данное в текстах Священного Писания; 4) представить собственно христианские воззрения на царскую власть, повлиявшие на формирование комплекса богослужебных текстов Церкви; 5) рассмотреть отражение представлений о монархической власти в различных текстах, использованных Русской Церковью ранее и употребляемых ею на современном этапе в качестве богослужебных; 6) отразить связь исторических событий с соответствующими правками, вносившимися в богослужебные тексты, что позволит определить степень влияния обстоятельств времени и места их появления на литургическую практику Церкви.

Таким образом, решение достаточно узкой проблемы, а именно — освещения церковной оценки монархической власти через богослужебные тексты, Автор предваряет масштабным теоретическим описанием идеи царской власти, которая рассматривается с двух ракурсов: греко-римского и библейского, которые соединяются в христианских воззрениях на власть. Такой подход представляется вполне обоснованным и методологически корректным, так как только таким образом может быть получен ключ к герменевтическому и богословскому анализу литургических текстов.

Выдвигаемая в исследовании гипотеза — о том, что «христианская религия оказала значительное воздействие на институт монархической власти и вместе с тем сама испытала влияние монархии» — может показаться несколько банальной. Однако на деле она не является таковой. В современных представлениях несколько

стёрлось и поблекло изначальное понимание христианства именно как религии, в центре которой находится ожидание Царства Божия, а Основатель которой именовался своими последователями Помазанником, т. е. Царём. Христос, Царство Которого «не от мира сего», был распят как «Царь Иудейский» — и по воскресении получил от Бога Отца «всякую власть на небе и на земле». Таким образом, тема царства и верховной власти для христианства является не просто значимой — но, по сути, центральной. И в этой связи особый интерес вызывает выдвигаемый Автор тезис о взаимном влиянии христианства и монархической идеи, как она была воплощена в римско-византийской имперской практике. Автор предполагает не только влияние христианства на христианскую монархию (что едва ли удивительно), но и обратное влияние монархии на христианскую религию, и считает, «что размеры последнего можно определить, в том числе по гимнографическим текстам Церкви».

Дальнейший анализ исследования призван либо доказать, либо опровергнуть выдвинутую гипотезу, либо принять ее с некоторыми коррективами.

Краткая характеристика содержания.

Диссертационная работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и Приложений.

Глава 1, озаглавленная «Имперское устройство и его идеология: история становления и визуализации» (103 с.), носит обзорно-теоретический характер и призвана ввести в тему императорской власти как высшего светского потестарного института в его классическом римско-византийском воплощении. Глава даёт весьма широкую панораму истории формирования института императорской/царской власти, содержит обзор представлений о монархической власти древнегреческих мыслителей и воззрений на характер и природу высшей земной власти как со стороны самих императоров и василевсов, так и со стороны святых отцов и иных христианских писателей. Далее, в главе даётся описание церемониальной репрезентации императорской власти, как посредством регалии (инсигний), так и через обряд венчания на царство. Специальное внимание уделяется русской/российской практике возведения на престол и царской и императорской коронации — что непосредственно подводит к главной теме исследования.

Основной исследовательской частью работы является 2-я глава, носящая название «Понятие о христианском царстве в русских литургических текстах» и занимающая 106 страниц. Здесь представления о царской власти рассматриваются в библейско-церковном аспекте. Вслед за подборкой цитат из Ветхого и Нового Завета Автор переходит к главной теме своего сочинения — рассмотрению отражения представлений о царской власти в христианских богослужебных текстах. Прежде всего, даётся исторический очерк совершения литургических молитв о царе. Далее приводится свод молитв о властях в рукописных и старопечатных славянских служебниках, а также упоминаний о российском императоре в богослужебных текстах Синодального периода, включая трансформацию поминовения государственной власти в богослужении Русской Церкви после революции 1917 года. Завершается глава анализом концепции монархической власти, присутствующей в славянских гимнографических текстах.

В Заключение (11 с.) представлены основные выводы исследования.

Список источников и литературы содержит 621 работу на русском и иностранных (английский, греческий, латинский) языках. Само по себе это число впечатляет, но особенно отрадно, что более 300 позиций составляют источники. Это само по себе демонстрирует объём проделанной Автором работы по поиску и систематизации источникового материала.

Приложения (55 с.) включают тексты источников: 1) Примеры упоминания о христианских и языческих царях в гимнографическом тексте Православной Церкви (параллельно на греческом и церковнославянском); 2) Упоминания о царях и представителях власти в евхаристической молитвах в разных видах литургических последований; 3) Молитва на посвящение императоров из Евхология Барберини гр. 336 (в русском переводе); 4) Упоминания о властях в заамвонных молитвах на Рождество Христово и Богоявление из Синайского глаголического миссала XI в. и Нью-Йоркского славянского рукописного служебника XIV в. (церковнославянский текст с русским переводом).

Выводы, к которым приходит Автор, в целом подтверждают выдвинутую в начале работы гипотезу о взаимном влиянии концепции монархической власти и христианской религии. Во-первых, первоисточником царской власти в Священном

Писании выступает Сам Бог — что помещает монархию (отметим: наряду с теократией) в число сакрализованных политических институтов. Во-вторых, высокий идеал христианского царства, предполагающий жертвенность служения, мудрость, справедливость, мужество, нравственную зрелость, милосердие, смирение перед Богом и людьми — но в первую очередь правильную веру (ортодоксию) правителя непосредственно связан с идеей ответственности перед Богом как Царём Небесным, Который и является истинным обладателем всей полноты власти, делигируемой земному царю. Высота и важность царского служения диктует особое почитание монарха, сближение его статуса со статусом священника — что нашло выражение в чине венчания на царство, содержащем ряд молитв и священнодействий, аналогичных совершаемым во время таинства рукоположения в священный сан. Автор отмечает, что несмотря на то, что сам по себе церемониал царского венчания складывался около тысячи лет, особо почтительное отношение Церкви к императорской власти может быть прослежено с самых первых веков. Анализ поздневизантийского литургического материала приводит Автора к выводу о том, что «законный христианский монарх получил особое место и роль в Православной Церкви — между иерархией и своими подданными». Об этом говорит многократное возгласие литургического термина ἄξιός («достойн»), возложение венца рукой патриарха или митрополита, чтение над коронуемым особых молитв, участие новопоставленного царя в совершении великого входа, его причащение в алтаре по чину священнослужителей, совершение им каждения перед престолом. Царь (император) считался верховным попечителем Церкви и гарантом её единства, что подтверждает включение в состав инсигний сугубо религиозного символа — креста. Древнерусский чин благословения князей и царей, формировавшийся под явным влиянием византийского, также имеет много общих черт с хиротонией.

Говоря об отношении Церкви к царской власти как таковой, Автор справедливо отмечает, что по-настоящему богоугодным типом политического устройства в Библии выступает теократия (непосредственная власть Бога, реализуемая через свободное и добровольное исполнение людьми Закона Божия), тогда как возникновение царской власти в Израиле, хотя и попущено Богом, но лишь как вынужденная мера, необходимая в условиях упадка благочестия в среде

богоизбранного народа. Кроме того, Автор признаёт, что «Церковь не отвергала и другие формы законной государственной власти, всегда вознося за земных правителей молитву согласно апостольскому слову (1 Тим. 2.1–2), о чем свидетельствуют ее евхологические тексты».

Важными представляются наблюдения Автора о неуклонном возрастании влияния царской власти на богослужебную жизнь Русской Церкви в XVI–XVII вв., что выразилось в увеличении числа поминовений государя за богослужением, а также в канонизации монархов. Аналогичное явление в XVIII–XIX вв., наблюдаемое в гимнографических текстах, характеризуется Автором иначе. Для этой эпохи богослужебные источники демонстрируют доминирование «восприятия императорской власти в рамках западной абсолютистской парадигмы в качестве самодостаточного явления, уже не связанного с традиционным древнехристианским пониманием святости». В этом Автор видит подтверждение своей гипотезы, выдвинутой в начале исследования.

С этим заключением можно согласиться, но с одним комментарием. В гипотезе предполагается, буквально, «влияние монархии на христианскую религию» — что заставляет поставить вопрос о том, что именно в данном случае имеется в виду под понятием «религия». Описываемые в работе примеры касаются именно богослужебной практики. Последняя, несомненно, является неотъемлемой частью христианской религиозной традиции, однако едва ли может быть признана синонимом понятия «религия». Тем более, что о каком бы то ни было влиянии мирских институтов на вероучение в работе не говорится (на наш взгляд, оно отсутствует), как не затрагивается и влияние на канонические нормы (эта тема заслуживает отдельного исследования). Таким образом, вывод о влиянии императорской / царской власти на христианскую религию желательно было бы конкретизировать: на богослужебную практику христианской религии.

Апробация и внедрение результатов проводилась на базе рецензируемых научных журналов («Церковь и время», «Церковный историк») и международных научно-богословских конференций.

Вопросы и замечания

При обзоре библиографии нередко Автор игнорирует одну из задач историографического обзора, подразумевающего не только перечисление литературы, но и рассуждения о тех или иных тенденциях и результатах развития научной мысли, для чего важна хронология. Так, вспоминая труд Б.Н. Чичерина, не мешало бы отметить, что этот классик отечественной науки жил и работал в середине XIX в. Упоминание о нем находится между работами Т. Синклера (1963) и Е.П. Шишко (2003), а в сноске указано переиздание 2000-х годов — и может показаться, что идёт о современном исследователе. Даже если Автор полагает (возможно, не без оснований), что за полтора века отечественная политологическая мысль не произвела на свет ничего более фундаментального, чем очерки Бориса Николаевича, это следовало бы как-то особо проговорить. То же касается и других старых работ, которые указываются только в современных переизданиях, без упоминания о том, что написаны были они были в прошлом и позапрошлом столетии.

Некоторые фразы работы выглядят несколько несуразно. Например, Автор пишет: «Говоря о научном интересе к изучению становления Византийской империи как государственного образования, стоит отметить, что в западных странах он отчетливо выразился ближе к XV веку». Но ведь и сама европейская наука (в современном смысле слова) появилась «ближе к XV веку», а то и позднее. Что же тут отмечать? Что интерес выразился рано или, наоборот, поздно? Непонятно.

Нельзя согласиться с представлением Автора о том, что литургическая молитва о византийском императоре («греческом царе») обозначала «определённую степень зависимости от его власти (вхождение в его юрисдикцию)» (с. 262). Ни один имеющийся у нас источник не позволяет говорить о том, что политическая юрисдикция Константинополя когда-либо распространялась на территорию Русского государства, и никто из василевсов на это никогда не претендовал. Как показывает упоминаемое Автором послание патриарха Антония IV к великому князю Василию Дмитриевичу, поминовение ромейских василевсов за литургией во всех Православных Церквях обуславливалось исключительно их особой ролью в церковной истории. «Святой царь занимает высокое место в Церкви, он не то, что другие, поместные князья и государи, — пишет патриарх русскому князю. — Цари в

начале упрочили и утвердили благочестие во всей вселенной; цари собирали вселенские соборы; они же подтвердили своими законами соблюдение того, что говорят божественные и священные каноны о правых догматах и о благоустройстве христианской жизни, и много подвизались против ересей; наконец, цари, вместе с соборами, своими постановлениями запечатлели порядок архиерейских кафедр, разделение их епархий и границы областей. За всё это они имеют великую честь и занимают высокое место в Церкви». Правда, византийцы (как и римляне) были склонны рассматривать власть императора как универсальную, то есть теоретически распространяющуюся на всех христиан мира — но эту «вселенскую» власть не следует путать с политической юрисдикцией. Она носит особый, абстрактно-сакраментальный характер — и её природа ещё нуждается в обстоятельном научном исследовании. Аналогичным образом, после утверждения царства в Московской Руси, поминовение «благочестивейшего царя Московского и самодержца (автократора) всея России» было введено на священных службах всех Восточных Патриархатов — что вовсе не предполагало политических претензий русских царей на земли Османской империи.

Точно так же не соответствует источникам заявление Автора о том, что «решающим фактором для прекращения поминовения византийского императора на Руси стала униональная политика императоров Иоанна VIII и Константина XI Палеологов». Как видно из вышеупомянутого письма, прекращение поминовения произошло уже в конце XIV в., при православном императоре Мануиле II. Но даже после подписания Флорентийской унии московские князья никогда не упрекали византийских «святых царей» в отступлении от православия, о чём свидетельствуют письма Василия II к Константину Палеологу. Также было бы неверно делать заключение об отсутствии литургического поминовения византийских царей уже в XIII в. на основании рукописных служебников. Как можно видеть из того же письма патриарха Антония, поминовение осуществлял только предстоятель, митрополит Киевский и всея Руси, как правило, грек по происхождению.

Эти замечания никоим образом не умаляют ценность и качество работы, в целом написанной на достойном уровне и, что особо стоит отметить, безупречным научным стилем и с минимальным количеством ошибок.

